

Гуси-лебеди

Летят утки, летят утки

И два гуся...

Народная песня

Мы живем себе обыденно, и живем. Что-то по инерции проживается, что-то вчера определилось. Представляем себе ближайший день. В принципе, события в нем так и происходят. Поправки в них — привычны, дополнения — обычны. Нормально. Летят себе дни косяками, и летят. Летят утки...

Мы думаем себе в жизни, и думаем. Что-то думаем по инерции, что-то вчера обдумали. О том, что рядом, думаем из того, что представляем. В принципе, это оправдывается. Новые мысли — логичны, дополняют старые — привычно. Нормально. Летят себе мысли косяками, и летят. Летят утки...

Опа! И два гуся!..

Утки: "Ничего себе! — Что это было? — Да ничего не было. — Кажется, те два гуся пролетели! — Или два лебедя? — Нет, все-таки гуся... — А уже пролетели! — Так и мы уже пролетели..."

Полет уток продолжается по инерции.

* * *

Я гость на одной юбилейной презентации. Пришел с радостью, с желанием поздравить. Официальная часть понравилась — было интересно. Когда она закончилась, я тепло поздравил юбиляра. А потом... Короче, я вынужден был сорваться. Даже сока не успел выпить (а для шампанского — я за рулем), ни перекусить (а хотелось). Именинник — человек, которым дорожу. Он огорчился. Неловко было уходить. Но у меня всегда есть дежурная причина, чтобы внезапно уйти или где-нибудь отсутствовать...

Ну и денек! Все — с ног на голову. А так здорово начинался... Вдруг я еле успел остановить машину и отбежать к кустам. И меня тут же вывернуло наизнанку.

Ничего себе!

Пот выступил — как из ведра окатило. Сильно и противно задрожали колени.

Что это было?

Голова давно вся седая, и вдруг — такой... жуткий испуг! Неужели только от... Меня снова мучительно стало выворачивать. Охватила такая слабость, что за ветки ухватился.

Нда-а-а...

Через пару минут стало легче. Мокрое лицо и спину приятно охолодил порыв летнего ветерка. Спасибо, ветер, за ласку (тьфу, чуть слезы благодарные не брызнули!). Перед собой стало неловко. Я вернулся к машине, отсиделся, выпил воды и поехал. Приступов тошноты больше не было. Только в голове больно бухало: "Не может этого быть. Не может...". Я криво усмехнулся. Этой усмешкой окончательно обесценилось то, что еще час назад могло согреть душу. Все вокруг сразу стало казаться подозрительным фарсом. Даже погода раздражала. Чистота неба давила, лучезарность солнца была неуместной. В голове продолжало тикать: "Не может этого быть...". Машинально взглянул на часы. А через час такая желанная встреча!.. Нет, и ее к черту. Никого видеть не могу, ничего не хочу. А куда я сейчас, собственно, еду?..

И поехал на автосервис. Сегодня утром я там уже был. У меня новая машина. И для своих мастеров я "отмечался" — привез ящик пива. Приглашали вечером присоединиться. Я еще пошутил: приеду, если с машиной будет что-то не так. Сейчас Башня увидел меня издалека и удивленно замер. Я гаркнул сквозь шум: "Ты нужен мне. Мне! Не машине". Он подошел. Я спросил: "Время найдется?". Он не ответил. Посмотрел мне в лицо и буркнул: "Стой тут". Я стоял. Он кому-то что-то сказал. Машину мою отогнали с дороги в угол площадки. Мне было все равно, я стоял. Потом Башня взял меня двумя пальцами за рукав, и мы пошли к нему домой. Недалеко, один квартал — и вглубь внутреннего двора.

Не знаю, почему пришло в голову именно к Башне притащиться. Было ощущение, что с этим — больше некуда. А Башня — просто "знакомый мастер". Я ему просто "постоянный клиент". Никогда вне мастерской мы с ним не встречались, да и дел других вместе не имели. Один раз я педиатра знакомого к нему привозил. У него ребенок болел. Разве это "дело"?

Я долго про него ничего не знал, кроме того, что Башня — это его фамилия, но с ударением на букву "я". А правильно или по имени его никто не зовет. Сначала я удивлялся. Потом, как и другие, понял, почему про него "так вернее", хотя он не только не высокий, но и не стройный. Просто слова его почему-то всегда вес имели. И высоту. Точнее, Башня говорил, а его слушали. Еще я был уверен, что он намного младше меня. Оказалось, заметно старше.

Мы пришли к нему домой. Жилье у него с семьей скромное, приспособленное, но вполне достойное. И какое-то особенное жилье. Все носило отпечаток с удовольствием приложенных рук. Дома сейчас никого, кроме нас, не было. Башня очень быстро помылся, предложил пиво или... Я наотрез отказался (день белый еще, да и организм на это сразу поморщился). Тогда он соорудил себе чай, мне кофе. Сел и вопросительно посмотрел прямо в глаза своими васильковыми очами. Так сказала однажды про его глаза какая-то клиентка, и было это — просто в яблочко. Я вздохнул и сказал:

— Меня полчаса назад внезапно наизнанку вывернуло. На ровном месте. Целиком и полностью, — живописал я. — Так напугался — думал, скончаюсь...

— Не сомневаешься, что не траванулся? — сообразил Башня (ну да, он же не врач, а пришел я — к нему).

— Не сомневаюсь.

Башня просто кивнул и уютно отхлебнул своего чая.

— Понимаешь, я кое-что услышал, — начал я.

И вдруг подумал, что нагружаю человека полной ерундой. Но добавил:

— Это не для моих ушей говорилось.

Башня, не поднимая глаз, кивнул опять.

— Ха! Хм! Мало, что не для моих ушей, — со смешком повторил я, — но и не обо мне. Еще и чепуха, злорадность какая-то пустяковая. А меня так скрутило... — тут голос мой сам вдруг съехал в жалобный регистр. — Но почему страшно? — и дальше я уже почти прошептал: — Жуть эта — откуда, а? Что это было?

Башня подобрал под себя локти и как будто стал всматриваться мне то в один, то в другой глаз по очереди. Было не то чтобы неудобно или неловко. Тревожно было. Да. Беспокойство. Башня спросил:

— А что ты слышал? Это рассказывать можно?

Я слегка задумался о том, как начать. Тогда он добавил:

— Учти. Только не дави на себя, понял?

Я кивнул. Но как говорить, если он никакого представления не имеет, о ком и о чем речь? А может, это как раз и хорошо? Очевидная непредвзятость. Ладно, а как можно "ерунду рассказывать"? Вот так я и рассказывал. Долго, путано и невнятно. Примерно так.

Был я сейчас на официальной юбилейной презентации. Там было много знакомых и небезразличных мне людей. Считай, одна компания. Вообще много было народу. И я там случайно услышал, как один человек по-

чем зря поливает другому их общего близкого друга. И моего, кстати, тоже. Как раз виновника этой презентации. Второй — молча слушает, а в глазах — такое удовольствие! Мне бы тут выйти из "укрытия"... Но я не смог. Растерялся от их "доброты". Не допускал этого, ушам не верил. Не может быть! За что они так? Невероятно! Я подумал, постоял немного и смылся. Очень с ними ладить со всеми хотел. Решил, не мое дело, без меня разберутся. А по дороге подумал: "Верный признак — переступят при случае!". И мне вдруг так гадко стало... Еле до каких-то кустов дотянул... Только, знаешь, Башня, не из-за них это было. И не из-за себя. Тут что-то другое было, я точно знаю. Но не знаю — что...

Я с ожиданием смотрел на Башню. Он (спасибо ему!) молчал все время, пока я говорил. Ни разу не перебил, не поторопил, не усмехнулся, не лез с расспросами. Он просто участливо смотрел своими фиолетовыми глазами — и все. Сейчас он вздохнул и встал, чтобы кофе горячего подлить. А я пытался унять мелкую тотальную дрожь, которая снова стала бить меня изнутри во время "исповеди". Башня вернулся, сел и сказал:

— Ты увидел цену своему будущему выбору, Дым.

Дым — это я. Меня так еще в школе стали звать. Был у меня тогда длинный период зависания на этом слове. Я всюду его запихивал. Устал в дым, увлекся, разобиделся, опоздал, объелся, разозлился, обрадовался. Все в дым. Почти везде подходит, можете проверить. Какая-то "всепроницающая субстанция".

Я обдумывал то, что выдал мне Башня. Цена выбора — звучит сильно. Переспросил:

— Выбор чего, Башня?

— Честно или приятно.

— ?!

Что тут скажешь... Я прикинул. Например, сегодня на мероприятии было хорошо. Но после того, что услышал, стало неприятно. Я отстранился ("смылся" — все-таки перебор, надеюсь). Уйти казалось приятнее. Это уж точно. А как честно?.. Да какая разница! Все равно, как я решу, так и будет. Только "без учета разницы" я пока решать не умею! Хочу, не хочу, а она для меня значение имеет. До "приятия мира", как у далай-ламы, мне далеко... Ну, и как дальше на этих людей смотреть? Да ясно, как. Притворяться, конечно. Внешне это — дело привычное. А себя — не обмануть, недоверие (если не сказать отвращение) тут уже есть, а это всегда чувствуется. И в ответ, между прочим, "автоматически генери-

руется" то же самое. Как же — очень приятно! А Башня посмотрел на меня и добавил:

— Честь — она сама ценность. Приятно — только стоимость чего-то. Само оно еще не ценность.

Отсюда — азбучный вывод, который я и назвал:

— "Честно" с "приятно" может не совпадать, — я усмехнулся, — как арбуз в букваре с буквой "А".

— Честь в жизни мощнее очень многих в ней вещей, Дым, — изрек Башня.

Ну и все. Эту тему я закрыл. И так уже — "критическая" глубина для применения смысла. Я не стал это усугублять. Зачем грузить Башню своими сырыми мыслями? Да и у меня уже отлегло. Я нашел, за что зацепиться, и успокоился. Ехал домой и весело думал: "Как раз — все может быть! Честно, но неприятно. Приятно, но нечестно. Нечестно и неприятно. Честно и приятно. Всего четыре варианта! Не так уж и много". Это воодушевляло. Я чувствовал себя внутренне богатым, тонким, умным и готовым на выбор чести...

Знаете, что? Думаете, я что-то понял? Ни черта подобного!

Во-первых, как всегда, я забыл, что все относительно. Очень и... очень-очень. Объективно, субъективно... Не перебором вариантов это определяют, не линейкой меряют.

Во-вторых, я не понял того, что Башня сказал обо мне лично. А он, как потом оказалось, в лоб назвал то, что со мной произойдет: "Ты увидел цену своему будущему выбору". Вот оно: увидел цену будущему.

Но Башня был неточен. Я эту цену не увидел. Организмом учуял, который этому тогда еще сопротивлялся. Увидел бы — насторожился. А так — неотвратимость перемен учуял, а изменений для себя как пожара испугался. Кстати, так бывает, когда близко к черте подойдешь. Переступить — не переступить.

Так Башня меня предупредил. А я...

А я вдруг стал везде носиться с этим "честно или приятно". Примерял четыре варианта на все и вся. И сам себя на старости лет в лужи сажал. Ну, почти на старости (когда тебе уже сорок). Польза, правда, была. Какое-то время я гораздо больше задумывался. И думал гораздо глубже как раз о том, о чем действительно стоит думать. Но недолго.

Конечно, тех вариантов всего четыре. А сколько вариантов будет, если учитывать, например, кому и что будет "честно" от тебя? Или к тебе? Да еще вместе с тем, кому и почему "приятно"? Вот. Это уже так не пересчитаешь! И великий Вычислитель просто сдался.

Короче, надоела мне эта маята — выяснять, где там сейчас "честно" или где "приятно". Бегать, искать, куда делось то или другое. Все равно мало кого реально заботит, чтобы честно было для всех — по-божески, а приятно — по-человечески. Пупок надорвешь! Нет. Хватит. Надо быть проще. Прежде всего, должно быть честно и приятно — мне.

Вот тогда я и стал сползать (незаметно для себя) в то самое настоящее, от которого меня когда-то стошнило, как от будущего.

Это я уже теперь знаю, как все начиналось. А тогда... Сначала, когда что-то было "не то", я часто себе напоминал:

— Спокойно! Мое "честно и приятно" — при мне, а я хочу только добра.

И поразился — как все просто! Этим себе оправдывается все! Ну, почти все. И я внутри заметно рассупонился. На месте деликатности, поиск которой "утомлял", бывало, не только меня, все чаще появлялось к этому безразличие. А от этого крепла уже равнодушная (ясно — не к себе) уверенность. Ну, не без сопротивления крепла, но дальше было уже легко. Я просто привык. Откликался — как пионер:

— Мое "честно и приятно" при мне? — Всегда при мне!

И покатилося. Уверенность постепенно превращалась,... уверенность превращалась,... превращается уверенность... Ну да, налицо "техническая неисправность" — "накачанная" самонадеянность. Уверенность по качеству тоже разная бывает...

Конечно, ничего хитрого. Кто не знает, что наглый напор — отличный инструмент! Широкого профиля применения. Опасность в том, что среда вокруг, где этот инструмент — уже сам ценность, всегда к нам очень близко. "Площадь опоры" у него очень сильная — у себя "мое" пододвинуть всем нелегко. И "не моему" там может просто места не оказаться.

Вот и я уже смелее выбирал себе и "честно", и "приятно". Реже замечал, когда это кому-то вредило. Меньше по этому поводу переживал. И были близкие люди, которые за это от меня отдалялись. Зато где-то меня сильнее зауважали, стали лстить и опекать. Например, те, кого я когда-то невольно подслушал. Теперь они для меня были и приятны, и чест-

ны (а ко мне так и было!). Но вот для хозяина той юбилейной презентации... Знаете, вот его уже мы вместе действительно "переступили".

И меня не стошнило.

Да я и не помнил уже о том приступе отвращения у себя. Башню тоже не видел (машина новая). Теперь удивляюсь. Странно, а что — сам я не мог "вспомнить"? Но ведь оправдывать тот "шаг" и приличный вид ему придавать приходилось очень не слабо! Только вот поверить в этот вид ни мы, ни он — уже не смогли.

Переступили. С отчаянья он даже на "мораль" тут намекал. Понятно, мы возмутились и ни о чем тогда не жалели (это теперь я знаю, почему). А, ерунда! Все проходит и все забывается. Проверено. Но пришлось убедиться еще в одном, что ничуть не меньше проверено.

Все проходит, но "ничего не проходит бесследно".

Вдруг в необычном месте я натякаюсь на Башню. А не видел его уже пару лет... Если бы увидел раньше, чем он меня, то успел бы сбежать. И конечно, сбежал бы. Почему? Потому что, когда увидел, было ощущение, как будто меня уже в угол загнали. Понятно, Башня тут ни при чем. Просто некоторым вещам есть объективная цена, а она неплохо чувствуется. Я об этом забыл. Появление Башни об этом напоминало.

Когда, узнав меня, первыми радостно просияли фиолетовые очи Башни, у меня внутри неприязненно екнуло. А деваться было уже некуда. Но откликнуться оказалось нетрудно (он-то ничего не знает!). В конце концов, я вполне искренне обрадовался и пригласил его с супругой к себе в гости. Я снимал здесь для отдыха загородный дом.

Вечером мы уютно расположились на террасе за столом. Природа вокруг наслаждала все чувства разом. Это, кстати, не надоедает никогда. И никогда не мешает. Жены нам с Башней тоже не мешали. Скорее наоборот — вдохновляли. Пара их "вдохновенных" реплик осталась в записи на видеокамеру.

Вот фрагменты записи.

Крупный план (на камеру снимала моя жена). Ало-бирюзовый чистый закат, его отражение в реке. Над деревьями противоположного берега горячим золотом резко бликуют купола храма. На глади воды появилась обыкновенная веселая лодка с одиноким гребцом.

Помню, двигалась лодка очень медленно. Гребец на удивление неторопливо работал веслами. Потом монотонно зазвонили колокола. И гребец приноровил свои взмахи к их ударам. Но почему-то упорно казалось, что все наоборот. Как будто на его неслышные всплески отвечает могучий звон небесный (представляете, какая красота?!). Это совпадение сразу объединяло весь мир с гребцом и гребца со всем миром. И каждый из нас ощутил себя тем гребцом. Заметно и реально.

То, что мы видели, спровоцировало наши реплики (они и сопровождаются видеозаписью). Тут почти неважно, где — чьи:

— Посмотрите внимательно на гребца!

— Что с ним?

— Ничего, смотрите и слушайте...

— На весла, на весла смотрите...

— Он опускает их, а потом звонит колокол... Вот опять! Слышите?

— На чудо похоже!

— Как будто к небу обращается...

— Молчаливая молитва — и тут же отклик...

— Молитва?

— Полная искренность...

— Это всегда вызывает отклик.

— А по-моему, полная искренность — это исповедь...

— Исповедь — это поиск объективности. Совесть чувств.

— Красиво сказано — совесть чувств... Кто сказал?

— Никто, я сказал.

— А это что?

— Где?

— Ну, совесть чувств.

— Это когда о том, что чувствуешь, думаешь не без оценки, но остаешься над ней.

— Все стараются быть объективными. Но "на все воля твоя".

— Да-а-а... Мы можем только стараться, но волю нам знать не дано.

— Дано чувствовать.

Потом камера разворачивается, на записи поплыли новые планы. Аккуратный луг. На нем пасутся две стреноженные лошади. Неподдалеку от них дремлет черно-белая собака. Камера наезжает на них с приближением (жена всегда внимательно живность снимает). Появилась дорога. Колодец, тропинка. Крыша нашего дома, под которой уйма ласточкиных гнезд (сейчас там тихо). Терраса, стол, я и Башня. Слышно, как я спрашиваю:

— Дано чувствовать? Ну, и насколько это в нашей воле?
— Настолько, насколько ты сам объективности хочешь.
(Конец записи на видеокамеру.)

Помню, вокруг стола потом началась веселая суэта. И, наконец, жена вынесла гвоздь программы — горячее блюдо.

Она торжественно произнесла: "Судак по-монастырски".

Я добавил: "Аминь". (Все расхохотались и подыграли.)

Жена Башни: "О! Прямо по теме! Вы что, готовились?"

Башня смеялся: "Ага. А лодочника Дым утром нанял".

Я подхватил: "Конечно. Вместе со звонарем".

Судак "улетел" мгновенно. Солнце опустилось к самому горизонту. И купола на том берегу стали светиться в другом "режиме освещения" — мягко и тепло. Лодки уже не видно. Всем захотелось спуститься к реке. Там возле небольших мостков лодочник как раз и привязывал свою лодку. Мы подошли ближе, он повернулся к нам лицом.

Это был тот, кого я "переступил за компанию".

Невероятно! Сначала — Башня, теперь здесь — он. Мелькнуло: какая мне "воля твоя" ниспосылается? Но я очень быстро от этого отмахнулся (помните, откликался — как пионер?).

Итак, мы поздоровались и отрекомендовались. Моя жена пригласила его к столу. Но Лодочник (назову его так) помотал головой:

— Спасибо. Я не один, меня тут ждут недалеко...

И словно в подтверждение его слов у него зазвонил мобильник. Он слегка отстранился, ответил на звонок. А нам в сожалении пожал плечами. Я был умиротворен и щедрым жестом еще раз пригласил его к себе. И всех, кто его ждет. Собрался даже вместе с ним пойти и привести сюда... Лодочник посмотрел мне в глаза и сказал:

— Пойдем, — повернулся и стал идти.

А я не двинулся с места. Лодочник оглянулся. Тогда я сказал:

— Мы всех ждем.

— Спасибо. Не сомневайся, я всем передам. До свиданья.

Ясно, никто не придет (а я и не хотел — опасался). Но настроение у меня безнадежно испортилось (на притворстве и поймался!). Я вдруг разозлился на Башню: стоит тут, все видит, и мне стыдно... Тьфу! А что, если

"не видит", это уже не стыдно?.. И злость перекинулась на самого себя. Ты, Дым, добра всем хочешь? А как? А вот так. Хочешь всем добра — отдельно, а делаешь добро — всем отдельно. Не дальше своего "приятно". (По долгу — не в счет, пожарники не на пожаре — тоже разные люди.)

Мы прошлись немного и вернулись на террасу. Снова сели за стол. Башня сочувственно наблюдал за мной. Я спросил его:

— Знаешь, кто это?

— Не я один знаю, Дым.

Хотите — верьте, хотите — нет, а тут я вдруг сильно испугался. Внезапно я увидел, насколько резко съежилось мое "честно и приятно" (по сравнению с тем, например, каким оно раньше было). Башня посмотрел мне в лицо. И потом выразительно спросил у своей супруги:

— Еще не замерзла?

Моя жена понятно предложила перейти всем в дом. А я распорядился принести нам с Башней что-нибудь, приодеться. Мы с ним пока остаемся на террасе.

Быстро спустился туман, сумерки заставили зажечь над столом лампу. Стало уютнее. То, что попадало в наш круг света, казалось своим и близким. Остальное было где-то "там", лишь смутно угадывалось, но "не доставало". Это успокаивало. Я еще подумал, снаружи — как внутри (или наоборот?). А женщины "угадали" принести нам электрочайник, чай, кофе и тактично ушли.

— Переживаешь? — спросил Башня.

— Да ерунда это! Мелочи жизни. Ты "имел кого-то в виду", потом — тебя. У всех по сто раз в году..

— А вот это уже — не ерунда! — перебил Башня.

— Что — уже не ерунда?

— А то. Представь, если с возрастом это для нас все чаще будет становиться "мелочью жизни". И все для большего числа людей, — и добавил: — Радует, что ты, например, хоть сейчас — явно разволновался..

— Не понял! — в голосе у меня было предупреждение.

— Дым! Потребительское отношение к человеку — не мелочь. Лучше тебе в это поверить! Если уж давать по морде или "иметь в виду", — то именно за это!

— Башня! — гаркнул я и разозлился. — Не читай мораль!

А он вдруг неудержимо и заразительно расхохотался. Я не утерпел и тоже усмехнулся, но с укоризной в глазах. Он улыбнулся значительно мягче:

— У тебя лицо, как будто ты муху проглотил.

— От слова "мораль", — буркнул я и картинно сплюнул.

Ну, потом мы еще долго с ним на той террасе разговаривали. И я уже стал догадываться, как после великого Вычислителя я вдруг великим Аналитиком заделался.

А знаете, что я анализировал? Печки, яблоны, реки и берега. Не дальше. А оценивал их по пирожкам, яблокам, молоку и киселям.

Ну да, старая сказка "Гуси-лебеди". Там сестрица на "благородное дело" побежала — братца спасать. Кстати, свою ошибку исправляла. Сама не доглядела — вот гуси-лебеди брата и выманили. Ну, а по дороге ей — то печка с пирожками навязывалась, то яблоны. Была и речка молочная с кисельными берегами.

Нет, не подумайте, что я "бежал мимо" этого. Все нормально. Просили — помогал. Помогали — благодарил. Ну, редко бывало, что не помогал (а просили). Иногда сам брал (а не благодарил). Ну, как все. Сами знаете, любые пирожки черствеют. Случается у яблоны ветки ломать, когда по ним за яблоками вверх лезешь. Или ветки сами вдруг под ногой подламываются. А потом странно, чего я так жадно в карманы напихивал? Эти яблоки?.. Кисель — и тот приедается. Видите? Намеки прямые — ничего хитрого. Вот оно — "потребительское отношение к человеку".

Короче, вы уже знаете, что мне все-таки надоело за своим "братцем" бегать и присматривать, где там "честно или приятно". "Прежде всего, должно быть честно и приятно — мне, а я хочу всем добра".

Вот так я взял, оказывается, своего братца за шкирку и посадил на короткий поводок.

Нетрудно догадаться, кто этот "братец". Трудно, когда он "всем добра" хочет не так, как я хочу... Между прочим, Башня в тот вечер загнал-таки меня в угол. Капитально! Спросил ненавистное мне — "за что" это Лодочнику?

Знаете, я себе на этот вопрос так и не смог тогда внятно ответить. Ну, не за то, в самом деле, что Лодочник на "мораль" намекал! Я Башне, конечно, этот вариант выдал, когда он меня к стенке припер. Он до слез, искренне хохотал и дразнился. Хрипел дурашливо: "Муха! Мух-ха! Мух-рхр-ха!" и отплевывался. Смачно и брезгливо. Я уже хотел обидеться, а он сказал:

— Дым! Видел, как надо плевать?

— На мораль?!

— На вранье-е-е! — и регочет надо мной. — За "базар" над моралью! Чудак ты, Дым! Хороший понт, конечно, дороже денег. Но это хорошо, пока он не дороже чести.

Понт?.. Вот это да! Фью-ю-ю! Ну, Лодочника тут тоже есть за что в зубах потаскать. Но "мораль" он не передергивал. Он ее видел. "За это" и поплатился. Зато я не видел, за какой чертой очутился. Понт ценил пока больше, чем стыда за него боялся.

Опа!

Вот что мимо пролетало! Постоянно маячило то впереди, то сзади. Задевало, жгло и мучило. Обыкновенный стыд. И был он потому, что понт перед Лодочником я изображал там, где без Лодочника у меня его могло и не быть. Отсюда мораль: от стыда я упорно отгонял от себя ту самую "мораль".

Как сто пудов с плеч упало! Я облегченно вздохнул и сказал:

— Знаешь, Башня, мне неприятно с Лодочником пересекаться. Неприятно, потому что стыдно перед ним. И я завис на этом "неприятно". А не было бы стыдно — откуда бы "неприятно" взялось? Такие дела... И не только у меня.

— А знаешь, Дым, — заметил Башня. — Ты упустил момент, когда мог один все дело спасти. Для всех. И тогда еще очень легко.

— Когда?

— Когда первый раз случайно "базар" услышал.

— Выйти из "укрытия"?

— Тогда всем это было еще неловко. И не было бы потом "круговой поруки", которая эту бодягу накачала...

— "Я убью тебя-я-я, Ллллодочни-и-ик", — прохрипел я с досады.

— А так, — рассмеялся Башня, — на "подмоченное" дело и тебя прихватили.

— Не такой уж я кровожадный, Башня. Так получилось...

Фиолетовые очи Башни посмотрели мне в глаза с сожалением. Он покачал головой:

— Кончай, Дым, себя обманывать. Ты сегодня упустил точно такой момент. И уже вполне сознательно. И много тебе радости от этого?

— Не такой точно момент, Башня. Теперь это уже совсем не легко.

— Честно или легко, Дым? Просто выбор. Признаешь ошибку реально — появятся реальные силы ее исправить, не раньше.

— А может, я не считаю это своей ошибкой...

— Считаешь. Просто не хочешь это показывать.

— Это почему?! — я снова повысил голос.

— "Стыд", Дым. Сам сказал. Душа бы его не ощущала.

Я растерялся. Мы помолчали. Если честно, то до этого момента я и себе не хотел "этого показывать". Ну, вот. Шаг вперед есть — себе уже "показал". Тут вопрос у меня сам напрашивается:

— И что теперь?

— Теперь поступай, — легко сказал Башня и выделил: — неформально, понял? И пока ты можешь это сделать — считай, что еще не ошибся. Просто думал долго.

Вот теперь я сижу и думаю, а не пора ли взяться за ремонт своей "технической неисправности"... Помните ее? "Накачанная" самонадеянность.

Ну да. С понтом "мораль".

* * *

Летят утки в свои края. Летят гуси-лебеди в другие края. Скорость лета у всех разная, разные у всех крылья. Общее одно: они — птицы. И когда они в небо поднимаются, это очень красиво! Дух захватывает...

